

DOI 10.18522/2415-8852-2022-1-48-66

УДК 304. 42. + 82.0
+396.2 +7.067

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Александра Владимировна Елисеева

кандидат филологических наук, доцент Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: elisseeva_alexan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6911-1927

Аннотация. Данный текст, как и два других, написанных моими коллегами, создан по мотивам докладов и дискуссий, вошедших в семинар по интерсекциональному анализу, проведенный 21 мая 2021 г. на базе Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. На семинаре обсуждался метод интерсекциональности, применяемый в социологических исследованиях, и его продуктивность для анализа литературных и кинотекстов. Рассмотренные на семинаре произведения принадлежат к разным национальным литературам / культурам и написаны на разных языках: речь шла об испанской, сербской, немецкой, русской, казахской литературах, переводах на русский и английский языки, о фильме ирландского кинорежиссера. Благодаря такому спектру в некоторой степени удалось преодолеть «мононациональный» и «моноязыковой» подходы, выйти за границы «англо- и русскоцентричности», которые нередко определяют преподавание литературы и соответствующие научные мероприятия в России. Также была частично преодолена андроцентричность дискурса о литературе; заметное место в обсуждении заняли произведения писательниц, часто несправедливо вытесняемые из канона. В публикации содержится краткая характеристика интерсекционального подхода, освещены основные дискуссионные моменты, затронутые в ходе семинара, а также представлено несколько примеров анализа произведений в свете теории пересечений.

Ключевые слова: интерсекциональность, литература и социология, гендер – «раса» – класс, дискриминация, методология литературного анализа

Сразу же стоит оговориться, что данная публикация не является статьей в «классическом» смысле. Это гибридный текст: отчасти статья, отчасти обзор выступлений на семинаре, который прошел 21 мая 2021 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Семинар был посвящен интерсекциональному подходу к анализу текстов. Интерсекциональность как способ изучения взаимодействия разных видов угнетения имеет непосредственное отношение к проблематике данного номера журнала – феномену травмы. Очевидно, что в первую очередь травматическому опыту подвержены индивиды, которые по тем или иным причинам вытеснены на периферию социума и подвергаются дискриминации.

В своей публикации я прежде всего выражаю благодарность всем шести участникам нашего семинара и особенно старшему научному сотруднику Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, кандидату филологических наук Наталии Юрьевне Харитоновой, которая приложила большие усилия, чтобы организовать мероприятие, в том числе позаботилась о технической поддержке встречи. Наталия Юрьевна проанализировала на семинаре переплетение «расовых» и гендерных элементов в структуре романа Рамона Марии дель Валье-Инклана «Тиран Бандерас» («Раса и гендер в критике наследия колониализма: роман испанского

писателя Р. дель Валье-Инклана “Тиран Бандерас” (1926)»). Ученых ИМЛИ представляла на семинаре также доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник института Вероника Борисовна Зусева-Озкан, которая ознакомила нас с творчеством ныне, к сожалению, малоизвестной писательницы Любви Столицы и проанализировала взаимодействие категорий «расы» и гендера в одной из ее пьес («Чернокожая воительница в сценической миниатюре Любви Столицы “Зеркало девственниц” (1917): гендер и раса»). Юлия Михайловна Козицкая, преподавательница Школы филологических наук Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в Москве, обратилась к советскому конструкту «народного певца», объединяющему элементы гендера, возраста и этноса, на материале текстов, которые принадлежат или приписываются акыну Джамбулу Джабаеву («О Джамбуле, “гиганте народной поэзии”, по-русски и по-английски: создание и использование образа народного певца из советской национальной республики»). Доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук Анна Геннадьевна Бодрова рассмотрела взаимодействие категорий гендера, возраста и нации в травелогах сербской писательницы Елены Димитриевич («В первую очередь патриотка, а затем феминистка»: нация и гендер в травелогах

сербской писательницы Елены Димитриевич (1869–1945)»). Наконец, международный характер наше мероприятие получило благодаря участию в нем доктора Ирины Градинари, профессора университета Хагена, одной из ведущих специалистов в ФРГ в области гендерных и квир-исследований. Ирина Градинари применила интерсекциональный подход к анализу фильма Нила Йордана «Жестокая игра», продемонстрировав, как взаимодействуют в этом кинотексте категории нации, гендера, квира и как квиризация кинематографической структуры связана со зрительским удовольствием («Интерсекциональность и неопределенная позиция зрителя. “Жестокая игра” (The Crying Game (UK/JPN 1992, R. Neil Jordan))»). Анна Бодрова и Ирина Градинари любезно предоставили свои тексты для публикации в данном блоке статей.

Мы все также очень благодарны заведующему Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени Андрею Федоровичу Кофману, который поддержал идею проведения семинара на базе ИМЛИ, присутствовал на мероприятии и инициировал обсуждение спорных моментов.

Огромная благодарность и всем коллегам, что присутствовали на семинаре, участвовали в обсуждении докладов, высказывались и задавали вопросы.

Особенно ценным представляется то, что тексты, о которых шла речь на семинаре,

принадлежат к разным национальным литературам / культурам и написаны на разных языках. Речь шла об испанской, сербской, немецкой, русской, казахской литературах, переводах на русский и английский языки, о фильме ирландского кинорежиссера. Благодаря такому спектру нам, несмотря на малочисленность участниц, в некоторой степени удалось преодолеть «мононациональный» и «моноязыковой» подходы, выйти за границы «англо- и русскоцентричности», которые нередко определяют преподавание литературы и соответствующие научные мероприятия в России. Также была частично преодолена андроцентричность дискурса о литературе. Как видно из названий докладов, заметное место в обсуждении заняли произведения писательниц, часто несправедливо вытесняемые из канона.

В дальнейшем будет представлена краткая характеристика интерсекционального метода, даны примеры интерсекционального анализа трех литературных текстов и упомянуты основные дискуссионные моменты, обсуждавшиеся на нашем семинаре.

Интерсекциональность

Интерсекциональность – метод, сформировавшийся в конце 1980-х гг., по-русски его также называют «теорией пересечений». Речь идет о пересечении различных форм дискриминации – дискриминации по гендеру, по цвету кожи, этническим или национальным

характеристикам, сексуальной ориентации, возрасту, телосложению и т. д.

Причиной появления интерсекционального подхода внутри феминистских исследований стало в 1970-х гг. осознание того, что не существует неких универсальных женщин, женщин вообще, а что в конкретной реальности гендер тесно взаимодействует с классовыми и расовыми (или этническими) факторами. Авторство термина приписывают обычно К.У. Креншоу, американской специалистке в сфере права и теории расы [Crenshaw 1989]. Толчок к формированию интерсекционального метода исходил в 1970-х гг. из так называемого «черного феминизма», т. е. от феминисток с черной кожей. В их среде появилась критика американских и европейских феминистских исследований из-за того, что в основном они описывали опыт белых женщин среднего класса и оставляли за рамками анализа иные формы социальной действительности, в которой гендерная дискриминация взаимодействует с расовой или национальной, возрастной (эйджизм), сегрегацией по состоянию здоровья (эйблизм), внешности (лукизм), по признаку сексуальной ориентации и др.

Интерсекциональный подход исходит из того, что пересечение различных форм дискриминации не просто является их механи-

ческой суммой (например, расовая дискриминация + гендерная дискриминация), а порождает специфические феномены иного качества, чем составляющие их компоненты. Т. е. речь идет, например, о том, что женщины нетитульной нации испытывают иную форму угнетения, чем представительницы нации титульной, или пожилые женщины сталкиваются с другими общественными стереотипами, мифами, чем те, которые в данной культуре считаются молодыми.

Стоит отметить, что, помимо дискриминации в ее негативном варианте, экономического и социального ущемления прав, в поле зрения интерсекциональности попадают также так называемые позитивные стереотипы: «прекрасный пол», «восточный мудрец», «русские женщины – самые красивые в мире» и т. п. Интерсекциональный подход, кроме того, вышел за рамки феминистских исследований и обращается к опыту людей других гендеров, например, к рассмотрению соединения эйджизма и гомофобии или трансфобии.

На данный момент существует немало статей, а также монографий, посвященных методу интерсекциональности, его применимости, особенно в области социологии [Crenshaw 1991; Brah, Phoenix; McCall; Hancock; Jibrin, Salem, Темкина, Здравомыслова]¹. На немецком языке нужно отметить

¹ Разумеется, здесь можно указать только очень малую часть работ по интерсекциональности.

хорошо структурированную книгу Н. Дегеле и Г. Винкер «Интерсекциональность. Анализ форм социального неравенства» (2009) [Winker, Degele]¹. Немецкие исследовательницы делают обзор истории метода, обсуждают его проблемные места и также демонстрируют применение интерсекционального подхода в социологических исследованиях на материале анализа тринадцати интервью безработных в ФРГ, проведенных в 2007 г.

К дискуссионным аспектам метода относится, в частности, набор категорий, которые служат факторами дискриминации и соответственно взаимодействуют друг с другом в реальной практике. Традиционно всеми учеными выделяются гендер, класс, раса. В немецком языке слово «раса» используется с осторожностью, так как оно дискредитировало себя в годы национал-социализма, поэтому предпочитают пользоваться английским словом *race*. Таким образом, центральной в интерсекциональном анализе является так называемая триада: гендер – класс – раса. К этим ключевым факторам добавляются категории, количество которых довольно неопределенно: религия, профессия, возраст, состояние здоровья, внешность, конфессия, сексуальная ориентация и т. д. Некоторые исследователи указывают 12 факторов дис-

криминации, другие – 13. Дегеле и Винкер в целях методологической обзримости обозначают, во-первых, три уровня интерсекционального анализа: 1) это макро- и мезоуровень, или структурный уровень (анализ социальных структур, в том числе институций, законов, норм и т. д); 2) микроуровень формирования идентичности, самоидентификации и 3) уровень символической репрезентации. На макро- и мезоуровне они выделяют четыре ключевые категории, которые взаимодействуют друг с другом институционально: гендер, класс, расу и телесность, которая включает в себя характеристики возраста, внешности, трудоспособности, состояния здоровья, сексуальности и др. Винкер и Дегеле отмечают, что на уровне самоидентификации и на уровне символической репрезентации количество категорий может быть различным, эти уровни открыты для новых понятий, наименований, самоназваний.

Нужно сказать, что как раз выделяемый Винкер и Дегеле уровень символической репрезентации и взаимодействие там категорий дискриминации релевантен для анализа текстов, как литературных, так и кинотекстов. Это анализ образов, идей, представлений, стереотипов, которые соединяют различные линии дискриминации, гендерные,

¹ Монография Винкер и Дегеле является, конечно, далеко не единственной немецкоязычной работой по интерсекциональности, существует большое количество публикаций на эту тему.

классовые, расовые и телесные конструкты. При этом данный уровень тесно связан с другими, как с макроуровнем институциональности, так и с проблематикой формирования идентичностей.

Интерсекциональный подход нашел применение прежде всего в социологии, например в исследованиях системы образования, семейных отношений и т. д. Но, что важно, он успешно распространяется и на исследование художественных текстов, т. е. используется в анализе литературы и кино. Уже в книге по гендерной нарратологии «Нарратологический анализ и гендерные исследования» издательницы и авторки В. Нюннинг и А. Нюннинг указывают на необходимость учитывать при гендерно ориентированном нарратологическом анализе триаду класс – гендер – раса, дополненную другими категориями – возраста, образования, профессии и др. [Nünning, Nünning: 38–39]. В настоящее время существует немало работ, анализирующих фикциональные тексты с применением интерсекционального метода, например: [Arnaudova; Klein; Gradinari, Ritzer].

Применительно к анализу текстов, в том числе литературных, интерсекциональный анализ выявляет взаимодействие гендерных конструктов с конструктами «расы» (этноса, нации и т. п.), класса, а также возраста и телесных характеристик («красоты», «уродства», «стройности», «здоровья», «болезни», «инвалидности» и т. п.). В поле зрения по-

падают многочисленные образы, созданные на пересечении гендерного, классового, расового, эйджистского и прочего конструирования, такие как «восточная красавица», «добродушный толстяк», «высохшая старая дева», «богатый еврей», «здоровый ариец» и т. д. Предметами анализа могут стать и текстовые категории пространства (например, стран, регионов) и времени, возникшие на пересечении разных форм конструирования, и тут стоит упомянуть феномен ориентализма, не раз становившийся предметом исследования. Внимания заслуживает также взаимодействие стратегий и форм дискриминации с различными художественными направлениями и течениями (например, фигура «гениального и больного творца-мужчины» в романтизме и в искусстве *fin de siècle*, популярность «восточных красавиц» в романтической культуре и т. д.). Рассмотрению подлежат проявления как негативной, так и положительной дискриминации, как неотрефлексированное тиражирование образов, так и деконструктивистское обращение с ними.

В дальнейшем предложены интерпретации трех текстов в русле теории пересечений. В рамках данной публикации анализ может быть изложен предельно сжато, поэтому осознанно выбраны два текста (из трех), которые рассматривались мной раньше более обстоятельно, иногда с иными акцентами.

Интерсекциональный подход к анализу текстов

1. Перформативы в романе Теодора Фонтане «Эффи Брист»: соединение в них социальных, гендерных, этнических и прочих конструктов

Дж. Батлер, создавшая концепцию конструктивистского характера гендера и пола, указывает на то, что данные категории создаются в результате перформативных практик [Butler], к таковым относятся и вербальные перформативные акты. Примечательно, что сходный, деконструктивистский, подход по отношению к понятию нации обоснован Б. Андерсоном и учеными его школы, прежде всего в работе Андерсона «Воображаемые сообщества» [Андерсон]. Стоит подчеркнуть, что и у Батлер, и у Андерсона отвергается эссенциалистский подход к категориям пола, гендера и, соответственно, нации, они предстают плодом перформативных, в том числе дискурсивных практик.

Подобные дискурсивные практики, перформатирующие гендер (пол) и «расу» (нацию) можно обнаружить во многих текстах художественной литературы, а также в кинотекстах. Здесь я сошлюсь на свое исследование вербальных перформативных конструкций в известном романе Теодора Фонтане

«Эффи Брист» (“Effi Briest”, 1895) [Фонтане]. В статье я проанализировала многочисленные перформативные высказывания, которыми персонажи романа и его нарратор конституируют гендер, нацию (этнос) и класс [Елисеева 2014]. Результатом исследования является выявление сходства вербальных конструкций, которыми создаются категории гендера, класса и нации, в том числе их поразительная структурная общность, проявляющаяся в частности в частом обращении к личным местоимениям множественного числа («мы», «вы», «они»), которые служат генерализации суждения. Здесь я остановлюсь на том, что ряд перформативов романа сочетает в себе социальное и гендерное или же этническое и гендерное, гендерное и возрастное конструирование. Например, Инштеттен, характеризуя девиантное, с его точки зрения, сексуальное поведение Крампаса, его склонность к промискуитету, объясняет его тем, что приятель «наполовину поляк»: «Но он, как бы это сказать, наполовину поляк, и на него ни в чем нельзя положиться, особенно, если дело касается женщин» [Фонтане: 148]¹. Таким образом, специфика гендерной роли «соблазнителя» оказывается дискурсивно сопряженной с этническим конструктом. Частым предметом перформати-

¹ Цитаты даны из перевода романа на русский язык, поскольку они в данном случае передают смысл первоисточника.

рования в романе выступают «молодые женщины», конструкт, комбинирующий параметры возраста и гендера. На знание «молодых женщин» претендует Крампас, который нередко упоминает их в разговоре, например, в четырнадцатой главе: «Ах, сударыня, когда дело касается прекрасных юных дам, которым нет еще и восемнадцати, всякое знание души терпит крах» [Там же: 121]. В 17-й главе он отмечает недоверчивость «молодых женщин» [Там же: 138]. Луиза, мать Эффи, соединяет конструкты возраста и гендера, дополняя их характеристикой определенной профессиональной группы (социальной среды): «[И]менно вы, офицеры, особенно молодые, совершенно не разбираетесь в людях» [Там же: 192]. В продуцировании перформативов, сочетающих гендерные, возрастные, социальные и прочие конструкты, активно участвует и экстрадиегетический нарратор романа, например, заявляя: «Да, Эффи легко относилась к вопросам продолжения рода, как это часто бывает с молодыми красивыми женщинами» [Там же: 223].

Эти и другие, довольно многочисленные, высказывания персонажей и повествователя обнаруживают тесную взаимосвязь конституирования гендера, этноса, социального положения, возраста, телесности в вербальных актах, которые сочетают друг с другом категории, выделяемые в рамках интерсекционального анализа. Примечательно при этом, что как персонажи, так и нарратор дают

характеристики Другим («польским мужчинам», «молодым женщинам», «молодым офицерам» и т. д.) снисходительным, патерналистским тоном, подчеркивающим более высокий иерархический статус говорящего.

2. *«(Не)достойное поведение» пожилой женщины в Германии первой половины XX в. (рассказ Бертольта Брехта «Недостойная старуха»)*

Короткий рассказ Брехта «Недостойная старуха» (“Die unwürdige Greisin”) был создан в 1939 г., затем автор включил его в сборник календарных историй, опубликованный им в 1949 г. Предположительно рассказ носит автобиографический характер: есть мнение, что прототипом главной героини послужила бабушка писателя Каролина Брехт, однако этот факт автобиографичности и биографичности персонажа подвергается в исследовательской литературе сомнению [Müller: 336–337], а госпожа Б. из рассказа интерпретируется как вымышленная фигура.

Повествование ведется от лица одного из внуков героини. Он описывает события, произошедшие после смерти его деда, мужа госпожи Б. Основной конфликт произведения состоит в том, что, в семьдесят два года овдовев, женский персонаж, который до сих пор являлся образцом заботливости, жертвенности и непротивительности, качеств, приписываемых женщине XIX – первой половины XX в. из мелкобуржуазной и ремесленной среды, внезапно бунтует против со-

циальных норм своего окружения: героиня дистанцируется от детей и внуков, ограничивая общение редкими визитами, остается жить одна в доме, несмотря на просьбы переехать и уступить жилье многочисленному семейству одного из сыновей, позволяет себе нехитрые радости, которые раньше отсутствовали в ее жизни: поездку в другой город, бокал вина за обедом, общение с людьми, которые кажутся родственникам сомнительными, посещение кинотеатра, куда, как отмечает рассказчик, в то время ходили только подростки и влюбленные парочки. Детей госпожи Б. шокирует и ее дружба с девочкой, которую считают слабоумной и которую она явно предпочитает кровным родственникам, и ее обеды в трактире, при том что до смерти мужа она всегда готовила еду сама. Поведение госпожи Б. в последние два года ее жизни, таким образом, открыто нарушает социальные ожидания, предъявляемые к женщине из мелкобуржуазной среды в начале XX в., подразумевающие самоотречение, заботу о семье, пренебрежение к собственному комфорту, к удовольствиям и радостям.

Рассказ Брехта репрезентирует взаимодействие гендерного и социального конструктов, а также конструкта возраста в первой половине XX в. В настоящее время существует направление гуманитарных исследований, занимающееся социальным конструированием возраста (Aging studies),

которое, в свою очередь, неразрывно связано с изучением продуцирования гендера в культуре, doing gender (см. например: [Gullette]). Поведение госпожи Б. вызывает неприятие окружающих именно из-за того, что она является пожилой женщиной определенного социального класса и имущественного положения. При этом в диегезисе истории общественная норма уже теряет свой непререкаемый характер: один из сыновей бабушки, отец рассказчика, не возражает против ее образа жизни, а сам рассказчик в конце повествования восхищается тем, что после долгого рабства ей удалось отвоевать для себя два года свободы.

3. *«Таинственная русская девушка» (конвергенция конструктов этноса, гендера и телесности в новелле «Фенечка» Лу Андреас Саломе)*

Биографические обстоятельства Лу Андреас Саломе (Lou Andreas-Salomé, geb. Louise von Salomé, 1861–1937, настоящее имя – Луиза фон Саломе или же Луиза Густавовна фон Саломе) немало способствовали ее интересу к этнической и гендерной проблематике. Она родилась в Санкт-Петербурге, провела там детство и юность, а впоследствии сыграла немаловажную роль в приобщении к русской культуре поэта Райнера Марии Рильке. «Русские» мотивы занимают немалое место в творчестве самой писательницы, Россия и русский женский персонаж появляются и в ее новелле или повести «Фенечка»

(“Fenitschka”, опубл. в 1898 г.)¹. В произведении повествуется о нескольких встречах немецкого психолога Макса Вернера с русской молодой женщиной Фенечкой (Фионой Ивановной Бетягиной). В тексте конвергируют конструкты гендера, национальности, а также, имплицитно – возраста и телесности. При этом в повести «Фенечка» сливаются воедино конструкт женщины-загадки и миф о таинственной русской душе, популярный в конце XIX – начале XX в. Формирование пространства загадочности, тайны, куда помещаются и конструкт женственности, и конструкт русского менталитета, явно соответствуют при этом потребностям культуры модернизма в период конца XIX – начале XX в., являющейся реакцией на научно-техническую модернизацию общества, на ее рационализм и оптимизм. Литературный модернизм скорбит об утраченной гармонии человека и природы, оскудении жизни и создает свои хрупкие утопии возврата к целостности жизни, в том числе конструируя пространство тайны, ускользящее от рационального познания [Vietta].

Именно такое пространство тайны создается в повести «Фенечка» благодаря созданию ореола таинственности вокруг феномена женственности и вокруг феномена

«русской души». Две мифологемы, обусловленные потребностью культуры противостоять рационалистической идеологии, тесно взаимодействуют, дополняют и усиливают, потенцируют друг друга.

На уровне наррации конструирование таинственной женственности и таинственного русского характера обеспечено спецификой фокализации повествования. В роли фокального персонажа выступает мужчина, немец и носитель рационального знания: герой является психологом. Все изображенные в произведении события представлены исключительно с его точки зрения. Перспектива героини, имя которой фигурирует в заголовке произведения, дана только опосредованно. Именно такой способ наррации позволяет сконструировать и женщину, и русскую как Другую. Сюжет произведения образуют попытки Вебера понять героиню, для чего он пользуется рационалистическими (или псевдорационалистическими) классификациями и оппозициями. Одна из смысловых доминант новеллы «Фенечка» состоит в разоблачении несостоятельности рационального познания женственности. В финале Феня исчезает из Петербурга и из жизни Макса Вебера, оставшись для него неразрешимой загадкой. Очевидно, что героиня является

¹ В статье 2020 г. я проанализировала феномен «женского письма» в этой повести [Елисеева 2020].

воплощением ключевой мифологемы конца XIX – начала XX в. – женщины как загадки, женщины-сфинкса. Данная мифологема во многом определяет философию, психологию и искусство конца XIX в., в частности проявляясь в трудах Фрейда (учителя Лу Андреас Саломе в сфере психоанализа). Так, в лекции «Женственность» (“Die Weiblichkeit”, 1933) основатель психоанализа сообщал, что над загадкой женственности мудрило много голов всех времен, и его нынешней мужской аудитории не чужды подобные размышления, однако присутствующие на лекции женщины не предаются им, поскольку сами являются этой загадкой [Freud: 545]. Заканчивается лекция Фрейда новой отсылкой к тайне женственности и рекомендациям искать разгадку в личном опыте и в произведениях «великих поэтов» [Freud: 565]. Нетрудно заметить, что мифологема загадочной женской психики Фрейда перекликается с конструктом женственности в новелле Лу Саломе.

Таинственность женского персонажа усиливается благодаря ее национальности. Лейтмотивом произведения является отличие Фени от западноевропейских дам, сначала от парижских знакомых, потом Вебер акцентирует различия между русской героиней и своей немецкой невестой. В то же время в самой России многое представляется Веберу загадочным и иррациональным. В споре с героем Феня отстаивает мистический характер религиозной службы и церковного брака,

в этой дискуссии она дает понять, что обладает недоступным для немецкого собеседника мистическим чувством, причастностью к божественным тайнам. В этом отношении интересна семантика религиозности, которая сопровождает героиню с первой страницы, где упомянуто ее «монашеское» платье. В петербургской части новеллы она нередко появляется на фоне церквей: Макс Вебер встречает ее в саду Александро-Невской лавры, потом они оказываются у Казанского собора. Говоря о религии, героиня использует местоимение «мы», т. е. переходит границы индивидуальности, объединяя себя в некоей идее соборности с другими русскими, приобщенными к тайне. В разговоре с Вебером Феня также заявляет о своей любви к России, о ее особом месте в мире, в том числе об отсутствии здесь западноевропейской суеты и стремления к прогрессу. Особо ценным она считает то, что можно вернуться в Россию после долгого отсутствия и обнаружить, что ничего не изменилось. Стоит сказать, что миф о «загадочной русской душе» примерно с 1880-х гг. активно культивируется в западноевропейской культуре, во многом благодаря рецепции романов Достоевского.

Итак, в новелле «Фенечка» миф о загадочной *женской* душе и миф о загадочной *русской* душе сливаются и усиливают друг друга. Благодаря этому создается измерение тайны, в котором испытывает потребность культура модернизма.

Представляется важным в интерсекциональном анализе отметить еще один аспект формирования загадочной русской женщины – фактор телесности. Героиня интригует мужского персонажа и вызывает у него интерес во многом благодаря своей молодости и эротической привлекательности. Таким образом, в новелле «Фенечка» Лу Андреас-Саломе взаимодействуют и дополняют друг друга конструкты гендера, нации и телесности, в частности красоты и возраста. Главная героиня представляет собой тип, противопоставленный западноевропейской культуре, ‘другое’ по отношению к ней, ее фантазию о тайне. И этим ‘другим’ является именно красивая молодая русская женщина. Если мысленно убрать один из компонентов словосочетания, то исчезнет либо обаяние конструкции, либо ее суггестивность, ее действительность.

Дискуссия

Каждый доклад на семинаре вызывал вопросы и становился предметом довольно продолжительного обсуждения. Здесь хотелось бы остановиться на тех поворотах дискуссии, которые имеют отношение к продуктивности метода интерсекциональности в целом для анализа литературных и кино-текстов.

Так, предметом дискуссии стала критика интерсекциональной теории с различных точек зрения. В частности, ее упрекают, как

отметила Ирина Градинари, в эссенциализации категорий, в том числе категорий «расы», гендера, класса и т. п., которые иногда воспринимаются как стабильные и гомогенные. Это послужило причиной возникновения теории «взаимозависимостей» и / или «взаимосвязей» (Interdependenzen), которая акцентирует динамику процесса и фокусируется на том, каким образом нестабильные, неоднородные внутри самих себя категории обуславливают, конституируют друг друга и взаимодействуют в конкретной ситуации. Концепция «взаимосвязей» получила развитие в работах К. Вальгенбах и ее сотрудниц [Walgenbach, Dietze, Hornscheidt, Palm].

Наталия Юрьевна Харитоновна представила книгу, вызвавшую большой резонанс как в академических кругах, так и среди более широкой читающей публики: научно-популярную монографию, которая была издана в 2020 г. в США филологом Хелен Плакроуз и математиком Джеймсом Линдси, «Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого» [Pluckrose, Lindsay]. Авторы книги прослеживают генезис ряда концепций гуманитарной науки, а также политического активизма, в том числе теории интерсекциональности, соотнося их с постмодернистской парадигмой – универсальным гносеологическим скепсисом и деконструкцией культуры как текста. По мысли авторов, особое значение в ситуации тотальной иронии при-

обретает опыт угнетенных – он выступает оплотом реальности в игре сигнификантов, а потому абсолютизируется и становится исключительным предметом как академического, так и политического интересов. Авторы, подчеркивающие свои либеральные и демократические позиции, указывают, что подобные установки ведут к новым формам дискриминации.

Очевидно, что работа Хелен Плакроуз и Джеймса Линдси заслуживает отдельной дискуссии. Представляется, что речь идет о потенциале догматизации, который содержится в любой теории, в любом методологическом подходе. К тому же возникает вопрос, насколько концепция пересечений, которая изначально была направлена на изучение взаимодействий форм угнетения, действенна только в сфере изучения форм негативной дискриминации.

Данный вопрос также поднимался на семинаре. Прежде всего дискриминацию связывают с ее негативными формами, на символическом уровне они проявляются в циркулировании негативных стереотипов, мифов, идеологем, образов. При этом, как показала дискуссия, дискриминационный потенциал «позитивных» мифов, стереотипов и образов часто остается нераспознанным. Возникают вопросы, какое репрессивное содержание могут иметь образы «восточных красавиц», «страстных чернокожих женщин», рассмотренные нами в докладах

конструкты таинственной русской женщины или старого мудрого казахского акына. В этом отношении заслуживают интереса исследования так называемых положительных стереотипов, например статья трех американских психологов [Czopp, Kay, Cheryan], в которой рассматривается как раз скрытое дискриминационное содержание подобных представлений. Прежде всего, авторы указывают на деперсонализацию позитивных характеристик, игнорирование индивида и его соотнесение с некоей группой, вместе с тем они отмечают, что положительные стереотипы часто имплицитно несут негативные качества, приписываемые данной группе, а также стигматизируют тех ее членов, которые не соответствуют ожиданиям. Что характерно, авторы особо выделяют роль позитивных стереотипов в стабилизации социальных иерархий. Например, приписывание женщинам таких черт характера, как мягкость и бесконфликтность, заставляет их культивировать в себе эти свойства, изгоняет их из сфер власти и ресурсов, где требуются противоположные модели поведения, и стигматизирует неконформных индивидов. Стоит упомянуть, что взаимодействие различных стереотипов и предрассудков порождает многообразные формы модуляции, когда одна мифологема накладывается на другую и либо смягчает, либо усиливает, либо видоизменяет ее. Распространенным примером в исследовательской литературе является клише восприятия

чернокожих геев в США. Стереотипное представление о гомосексуальных мужчинах как более утонченных, мягких и «женственных» частично затмевает здесь негативный образ человека с черной кожей как агрессивного, brutального и опасного [Remedios, Chasteen et al.]. В то же время наблюдения, сделанные исследователями в американском обществе, едва ли будут действительны в социуме других стран, например России, где можно предположить более высокий уровень расизма и гомофобии. Из этого следует, что каждая форма взаимодействия форм угнетения, в том числе стереотипов, как негативных, так и позитивных, обладает своей спецификой, ситуативна, связана с состоянием того или иного социума в конкретный исторический момент.

Для обсуждения данной проблемы уместно вспомнить и тезисы П. Бурдьё [Bourdieu], что классификации, обозначения объектов реальности, социальных групп, их оценки являются продуктами символической власти. Таким образом, негативные и позитивные образы, мифологемы, стереотипы, прочие элементы символического уровня порождены властью.

Хочется надеяться, что наш семинар и публикуемые статьи будут способствовать расширению методологической базы и практики интерсекциональных исследований литературных и кинематографических текстов, породят вопросы и новые идеи, сомнения,

возражения, возможно, наметят алгоритмы анализа с позиций теории пересечений.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Елисеева, А.В. Гендерные, социальные и национальные перформативные конструкции в романе Т. Фонтане «Эффи Брист» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2014. Вып. 1. С. 52–59.

Елисеева, А.В. «Женское письмо» как пространство дискурсивных, жанровых и нарративных конфликтов (на материале немецкоязычной женской прозы конца XIX – начала XX в.) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2020. Т. 5 (2). С. 17–47. DOI: 10.18522/2415-8852-2020-2-17-47.

Темкина, А.А., Здравомыслова, Е.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 5. С. 15–38.

Фонтане, Т. Эффи Брист / пер. с нем. Ю. Светланова и Г. Егерман. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.

Arnaudova, S. (2020). Zur Produktivität des Konzepts der Intersektionalität in Texten von Herta Müller, Catalin Dorian Florescu und

Saša Stanišić. In R. Cornejo, G.L. Schiewer, & M. Weinberg (Eds.), *Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit*. Bielefeld: transcript, 107–120.

Bourdieu, P. (1987). *Espace social et pouvoir symbolique*. In P. Bourdieu, *Les choses dites*. Paris: Éditions de Minuit, 147–166.

Brah, A., & Phoenix, A. (2004). *Ant I a woman? Revisiting intersectionality*. *Journal of International Women's Studies*, 5, 75–86.

Butler, Ju. (1990). *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. New York: Routledge.

Collins, P.H., & Andersen, M.L. (Eds.). (2007 [1992]). *Race, class, and gender: an anthology* (6th ed.). Belmont: Wadsworth Publishing.

Crenshaw, K. (1989). *Demarginalizing the intersection of race and sex: a black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics*. *The University of Chicago Legal Forum*, 1, 139–167.

Crenshaw, K. (1991). *Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color*. *Stanford Law Review*, 43(6), 1241–1299.

Czopp, A.M., Kay, A.C., & Cheryan, S. (2015). *Positive stereotypes are pervasive and powerful*. *Perspectives on Psychological Science*, 10 (4), 451–463.

Freud, S. (1969 [1933]). *Die Weiblichkeit*. In A. Mitscherlich, A. Richards & Ja. Strachey (Eds.), *S. Freud. Studienausgabe. Vorlesungen*

zur Einführung der Psychoanalyse (Vol. 1). Frankfurt a. M.: S. Fischer, 544–565.

Gradinari, I., & Ritzer, I. (Eds.). (2021). *Genre und Race. Mediale Interdependenzen von Ästhetik und Politik*. Wiesbaden: Springer.

Gullette, M.M. (2004). *Aged by culture*. Chicago: University of Chicago Press.

Hancock, A.-M. (2007). *Intersectionality as a normative and empirical paradigm*. *Politics & Gender*, 3 (2), 248–254.

Jibrin, R., & Salem, S. (2015). *Revisiting intersectionality: reflections on theory and praxis*. *Trans-Scripts. An Interdisciplinary Online Journal in the Humanities and Social Sciences*, 5, 7–24.

Klein, Chr., & Schnicke, F. (Eds.). (2014). *Intersektionalität und Narratologie. Methoden – Konzepte – Analysen*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier.

McCall, L. (2001). *Complex inequality: gender, class and race in the new economy*. New York: Routledge.

Müller, K.D. (1980). *Brecht-Kommentar zur erzählenden Prosa*. München: Winkler Verlag.

Nünning, V., & Nünning, A. (Eds.). (2004). *Erzähltextanalyse und Gender Studies*. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler.

Pluckrose, H., & Lindsay, Ja. (2020). *Cynical theories: how activist scholarship made everything about race, gender, and identity – and why this harms everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.

Remedios, J.D., Chasteen, A.L., Rule, N.O., & Plaks, J.E. (2011). Impressions at the intersection of ambiguous and obvious social categories: Does gay + Black = likable? *Journal of Experimental Social Psychology*, 47, 1312–1315.

Vietta, S. (1992). Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. Stuttgart: J.B. Metzler.

Walgenbach, K., Dietze, G., Hornscheidt, L. & Palm, K. (2007). Gender als interdependente Kategorie. Neue Perspektiven auf Intersektionalität, Diversität und Heterogenität. Opladen: Budrich Verlag.

Winker, G., & Degele, N. (2010). Intersektionalität. Zur Analyse sozialer Ungleichheiten. Bielefeld: transcript.

References

Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism] (V. Nikolayev, Trans.). Moscow: KANON-Press-Ts; Kuchkovo pole.

Arnaudova, S. (2020). Zur Produktivität des Konzepts der Intersektionalität in Texten von Herta Müller, Catalin Dorian Florescu und Saša Stanišić [On the productivity of the concept of intersectionality in the texts of Herta Müller, Catalin Dorian Florescu and Saša Stanišić]. In R. Cornejo, G.L. Schiewer, & M. Weinberg (Eds.), *Konzepte der Interkulturalität in*

der Germanistik weltweit [Concepts of interculturality in German studies worldwide]. Bielefeld: transcript, 107–120.

Bourdieu, P. (1987). Espace social et pouvoir symbolique [Social space and symbolic power]. In P. Bourdieu, *Les choses dites* [In other words]. Paris: Éditions de Minuit, 147–166.

Brah, A., & Phoenix, A. (2004). A'nt I a woman? Revisiting intersectionality. *Journal of International Women's Studies*, 5, 75–86.

Butler, Ju. (1990). *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. London, New York: Routledge.

Collins, P.H., & Andersen, M.L. (Eds.). (2007 [1992]). *Race, class, and gender: an anthology* (6th ed.). Belmont: Wadsworth Publishing.

Crenshaw, K. (1989). Demarginalizing the intersection of race and sex: a black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *The University of Chicago Legal Forum*, 1, 139–167.

Crenshaw, K. (1991). Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, 43(6), 1241–1299.

Czopp, A.M, Kay, A.C., & Cheryan, S. (2015). Positive stereotypes are pervasive and powerful. *Perspectives on Psychological Science*, 10(4), 451–463.

Eliseeva, A.V. (2014). Gendernye, sotsial'nye i natsional'nye performativnye konstruksii v romane Th. Fontane "Effi Briest" [Gender, social and national performative constructions

in the novel “Effi Briest” by Th. Fontane]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Herald of St. Petersburg university], 9 (1), 52–59.

Eliseeva, A.V. (2020). “Zhenskoye pis'mo” kak prostranstvo diskursivnykh, zhanrovnykh i narrativnykh konfliktov (na materiale nemetskoyazychnoy zhenskoy prozy kontsa XIX – nachala XX v.) [“Women’ writing” as an area of discursive, genre and narrative conflicts (a case study of German-language female Prose of the late XIX – early XX century)]. *Praktiki I Interpretatsii: Zhurnal Filologicheskikh, Obrazovatel'nykh I Kul'turnykh Issledovaniy* [Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 5 (2), 17–47. DOI 10.18522/2415-8852-2020-2-17-47

Fontane, Th. (1960). *Effi Briest* (Yu. Svetlanov & G. Egerman, Trans.). Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

Freud, S. (1969 [1933]). Die Weiblichkeit [Femininity]. In A. Mitscherlich, A. Richards & Ja. Strachey (Eds.), *S. Freud. Studienausgabe. Vorlesungen zur Einführung der Psychoanalyse* [Study edition. Introductory lectures on psychoanalysis] (Vol. 1). Frankfurt a. M.: S. Fischer, 544–565.

Gradinari, I., & Ritzer, I. (Eds.). (2021). *Genre und race. Mediale interdependenzen von ästhetik und politik* [Genre and race. Media interdependencies of aesthetics and politics]. Wiesbaden: Springer.

Gullette, M.M. (2004). *Aged by culture*. Chicago: University of Chicago Press.

Hancock, A.-M. (2007). Intersectionality as a normative and empirical paradigm. *Politics & Gender*, 3 (2), 248–254.

Jibrin, R., & Salem, S. (2015). Revisiting intersectionality: reflections on theory and praxis. *Trans-Scripts. An Interdisciplinary Online Journal in the Humanities and Social Sciences*, 5, 7–24.

Klein, Chr., & Schnicke, F. (Eds.). (2014). *Intersektionalität und Narratologie. Methoden – Konzepte – Analysen* [Intersectionality and narratology. Methods – concepts – analyses]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier.

McCall, L. (2001). *Complex inequality: gender, class and race in the new economy*. New York: Routledge.

Müller, K.D. (1980). *Brecht-Kommentar zur erzählenden Prosa* [Brecht- commentary on narrative prose]. München: Winkler Verlag.

Nünning, V., & Nünning, A. (Eds.). (2004). *Erzähltextanalyse und Gender studies* [Analysis of narrative texts and gender studies]. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler.

Pluckrose, H., & Lindsay, Ja. (2020). *Cynical theories: how activist scholarship made everything about race, gender, and identity – and why this harms everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.

Remedios, J.D., Chasteen, A.L., Rule, N.O., & Plaks, J.E. (2011). Impressions at the intersection of ambiguous and obvious social categories: Does gay + Black = likable? *Journal of Experimental Social Psychology*, 47, 1312–1315.

Temkina, A.A., & Zdravomyslova, E.A. (2017). Interseksional'nyy povorot v gendernykh issledovaniyakh [Intersectional turn in gender studies]. *Zhurnal Sotsiologii I Sotsialnoy Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20 (5), 15–38.

Vietta, S. (1992). *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard* [Literary modernity. A problem-based history of German literature from Hölderlin to Thomas Bernhard]. Stuttgart: J.B. Metzler.

Walgenbach, K., Dietze, G., Hornscheidt, L. & Palm, K. (2007). *Gender als interdependente Kategorie. Neue Perspektiven auf Intersektionalität, Diversität und Heterogenität* [Gender as an interdependent category. New perspectives on intersectionality, diversity and heterogeneity]. Opladen: Budrich Verlag.

Winker, G., & Degele, N. (2010). *Intersektionalität. Zur Analyse sozialer Ungleichheiten* [Intersectionality. On the analysis of social inequalities]. Bielefeld: transcript.

Для цитирования: Елисеева, А.В. Интерсекциональность // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 48–66. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-48-66

For citation: Eliseeva, A.V. (2022). Intersectionality. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (1), 48–66 (In Russ.). DOI: 10.18522/2415-8852-2022-1-48-66

INTERSECTIONALITY

Aleksandra V. Eliseeva, PhD, Associate Professor, Baltic State Technical D.F. Ustinov-University “Voenmech” (St. Petersburg, Russia); e-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

Abstract. This text, as well as two others written by my colleagues, is based on the papers and discussions included in the program of the seminar on intersectional analysis, held on 21 May 2021 at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. The issues of intersectionality method, used in sociological research, and its productivity for the analysis of literary and film texts were discussed. The works considered at the seminar belong to different national literatures/cultures and are written in different languages. These included Spanish, Serbian, German, Russian, Kazakh literatures, translations into Russian and English, and a film by an Irish filmmaker. Due to this spectrum, it has been possible to overcome the “mono-national” and “monolingual” approaches and to go beyond the “English- and Russian-centric” boundaries that often define literature teaching and related scholarly activities in Russia. The androcentricity of the discourse on literature has also been partially overcome; the works of female writers, often unfairly ousted from the canon, have gained prominence in the discussion. The publication contains a brief description of the intersectional approach, highlights the main points of discussion raised during the seminar, and presents several examples of analyses of works in the light of intersectional theory.

Key words: intersectionality, literature and sociology, gender – race – class, discrimination, methodology of literary analysis

